

личину другой; но в результате умножения этих самых величин получается также качественное изменение — переход линии в плоскость, поскольку появляется некоторое отрицательное определение; оно и вызывает ту трудность, которую можно устраниТЬ, если уразуметь особенность этого определения и простую суть дела; но введением бесконечного, от которого ожидается ее устранение, эта трудность скорее только запутывается еще больше и оставляется совершенно непреодоленной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ

Бесконечность определенного количества была определена выше так, что она есть его отрицательное потустороннее, которое, однако, оно имеет в самом себе. Это потустороннее есть качественное вообще. Бесконечное определенное количество как единство обоих моментов — количественной и качественной определенностей — есть прежде всего *отношение*.

В отношении определенное количество уже не обладает лишь безразличной определенностью, а качественно определено как всецело соотнесенное со своим потусторонним. Оно продолжает себя, переходя в свое потустороннее; последнее есть прежде всего некоторое *другое* определенное количество вообще. Но по своему существу они не соотнесены друг с другом как внешние определенные количества, а *каждое имеет свою определенность в этом соотношении с иным*. Они, таким образом, в этом своем и событии возвращены в себя; то, что каждое из них есть, оно есть в ином; иное составляет определенность каждого из них. — Смысл выходления определенного количества за свои пределы состоит теперь, стало быть, не в том, что оно изменяется лишь в некоторое иное или в свое абстрактное иное, в свое отрицательное потустороннее, а в том, что в этом ином оно достигает своей определенности; оно находит *само себя* в своем потустороннем, которое есть некое другое определенное количество. *Качество определенного количества, определенность его понятия — это его внешность вообще, в отношении же оно положено так, что оно имеет свою*

определенность в своей внешности, в некоем другом определенном количестве, есть в своем потустороннем то, что оно есть.

Именно определенные количества обладают тем соотношением между собой, которое здесь получилось. Само это *соотношение* также есть некоторая величина. Определенное количество не только *находится в отношении*, но *оно само положено как отношение*; оно *некоторое определенное количество вообще, имеющее указанную качественную определенность внутри себя*. Таким образом, как отношение оно выражает себя как замкнутую в себе целокупность и свое безразличие к границе выражает тем, что внешность своей определенности оно имеет внутри самого себя и в этой внешности соотнесено лишь с собой и, следовательно, бесконечно в самом себе.

Отношение вообще есть

1) *прямое отношение*. В нем *качественное* еще не выступает наружу, как таковое, само по себе. Оно положено здесь пока что только в виде (*Weise*) определенного количества, положено имеющим свою определенность в самой своей внешности. — Качественное отношение есть в себе противоречие между внешностью и соотношением с самим собой, между устойчивым существованием определенных количеств и отрицанием их. Это противоречие снимает себя, поскольку прежде всего

2) в *непрямом отношении* полагается *отрицание* одного определенного количества, как таковое, также при изменении другого и изменчивость самого прямого отношения;

3) в *степенном же отношении* соотносящаяся в своем различии с самой собой единица выступает как простое самопродуцирование определенного количества. И, наконец, само это качественное, положенное в простом определении и как тождественное с определенным количеством, становится *мерой*.

О природе излагаемых ниже отношений многое уже было сказано в предыдущих примечаниях, касающихся бесконечного в количестве, т. е. качественного момента в последнем; остается поэтому лишь разъяснить абстрактное понятие этих отношений.

A. ПРЯМОЕ ОТНОШЕНИЕ

1. В отношении, которое как непосредственное есть *прямое* отношение, определенность одного определенного количества заключается в определенности другого определенного количества и наоборот. Имеется лишь *одна* определенность или граница обоих, которая сама есть определенное количество, — *показатель* отношения.

2. Показатель есть некоторое определенное количество. Но в своей *внешности* он соотносящий с собой в самом себе качественно определенный квант лишь постольку, поскольку он в самом себе имеет отличие от себя, свое потустороннее и и nobытие. Но это различие определенного количества в самом себе есть различие *единицы и численности*; единица есть самостоятельная определенность (*Für sich Bestimmtsein*), численность же — безразличное движение по отношению к определенности, внешнее безразличие определенного количества. Единица и численность были сначала моментами определенного количества; теперь в отношении, поскольку оно реализованное определенное количество, каждый из его моментов выступает как *собственное определенное количество*, и оба — как определения его наличного бытия, как ограничения по отношению к определенности величины, которая помимо этого есть лишь внешняя, безразличная определенность.

Показатель есть это различие как простая определенность, т. е. он имеет непосредственно в самом себе значение обоих определений. Он есть, *во-первых*, определенное количество; в этом смысле он численность; если один из членов отношения, принимаемый за единицу, выражен численной единицей — а ведь он считается лишь таковой единицей, — то другой член, численность, есть определенное количество самого показателя. *Во-вторых*, показатель есть простая определенность как качественное в членах отношения; если определенное количество одного из членов определено, то и другое определенное количество определено показателем, и совершенно безразлично, как определяется первое; оно как определенный сам по себе квант не имеет уже никакого значения и может с таким же успехом быть также любым другим определенным количеством, не изменяя этим определенности отношения, которая зависит только от показателя. Одно

определенное количество, принимаемое за единицу, как бы велико оно ни стало, всегда остается единицей, а другое определенное количество, как бы велико оно при этом также ни стало, непременно должно оставаться *одной и той же* численностью указанной единицы.

3. Согласно этому, оба они составляют, собственно говоря, лишь *одно определенное количество*; одно определенное количество имеет по отношению к другому лишь значение единицы, а не численности; другое имеет лишь значение численности; стало быть, *по определенности своего понятия* они сами *не полные определенные количества*. Но эта неполнота есть отрицание в них и притом отрицание не со стороны их изменчивости вообще, сообразно которой одно (а каждое из них есть одно из двух) может принимать всевозможные величины, а со стороны того определения, что если одно изменяется, то и другое настолько же увеличивается или уменьшается; это, как мы показали, означает: лишь *одно*, единица, изменяется как определенное количество, другой же член, численность, остается тем же определенным количеством *единиц*, но и первый член сохраняет значение лишь единицы, как бы он ни изменялся как определенное количество. Каждый член есть, таким образом, лишь один из этих двух моментов определенного количества, и самостоятельность, относящаяся к его отличительным свойствам, подверглась в себе *отрицанию*; в этой качественной связи они должны быть *положены* один по отношению к другому как *отрицательные*.

Показатель, согласно сказанному выше, есть полное определенное количество, так как в нем сходятся определения *обоих* членов [отношения]; но на самом деле он как частное сам имеет лишь значение либо *численности*, либо *единицы*. Нет ничего, чтó определяло бы, какой из членов отношения должен быть принят за единицу и какой — за численность; если один из них, определенное количество *B*, измеряется определенным количеством *A* как единицей, то частное *C* есть численность таких единиц; но если взять само *A* как численность, то частное *C* есть единица, требуемая при численности *A* для определенного количества *B*; тем самым это частное как показатель положено не как то, чем оно должно быть, — не как то, чтó определяет отношение, или как его качественная единица. Как последняя оно положено лишь по-

стольку, поскольку оно имеет значение *единства обоих моментов*, единицы и численности. Так как эти члены [отношения], хотя они и даны как определенные количества такими, какими они должны быть в развернутом определенном количестве, в отношении, все же при этом даны лишь в том значении, которое они должны иметь как его члены, [т. е.] суть *неполные* определенные количества и считаются лишь одним из указанных качественных моментов, то они должны быть положены с этим их отрицанием; благодаря этому возникает более реальное, в большей мере соответствующее его определению отношение, в котором показатель имеет значение произведения членов отношения; по этой определенности оно есть *обратное отношение*.

В. ОБРАТНОЕ ОТНОШЕНИЕ

1. Отношение, как оно получилось теперь, есть *снятое* прямое отношение; оно было *непосредственным* и, стало быть, еще не истинно определенным; теперь же определенность прибавилась к нему так, что показатель считается произведением, единством единицы и численности. Со стороны его непосредственности его можно было (как было показано выше) брать безразлично — и как единицу, и как численность, вследствие чего он и был дан лишь как определенное количество вообще и, стало быть, преимущественно как численность; одна сторона была единицей, и ее следовало брать как одно, а другая сторона — ее неизменной численностью, которая в то же время есть и показатель; качество последнего состояло, следовательно, лишь в том, что это определенное количество брали как неизменное или, вернее, неизменное имело лишь смысл определенного количества.

В обратном же отношении показатель и как определенное количество есть нечто непосредственное и прини-маемое за неизменное. Но это определенное количество не есть *неизменная численность* для *единицы* другого определенного количества в *отношении*; это ранее неизменное отношение теперь скорее положено как изменчивое; когда в качестве «одного» какого-то из членов [обратного отношения] берут другое определенное количество, тогда другой член [отношения] уже не остается *той же самой численностью* единиц первого члена.

В прямом отношении эта единица есть лишь то, что обще обоим членам; как таковая, она переходит в другой член, в численность; сама численность, взятая особо, или, иначе говоря, показатель, безразлична к единице.

Но при той определенности отношения, какую мы имеем теперь, численность, как таковая, изменяется по отношению к единице, для которой она другой член отношения; если мы берем в качестве *единицы* какое-нибудь другое определенное количество, то численность становится другой. Поэтому, хотя показатель и есть лишь непосредственное определенное количество, лишь произвольно принимаемое за неизменное, но он не сохраняется, как таковое, в стороне отношения, и эта сторона, а тем самым и прямое отношение сторон изменчивы. Поэтому в рассматриваемом теперь отношении показатель, как определяющее определенное количество, положен отрицательно по отношению к себе как к определенному количеству отношения, положен тем самым как качественный, как граница, так что качественное выступает особо, отличным от количественного. — В прямом отношении *изменение* обоих членов есть лишь одно изменение определенного количества, каковым берется единица, которая есть то, что обще [обеим сторонам отношения], и, следовательно, во сколько раз одна сторона увеличивается или уменьшается, во столько же раз увеличивается или уменьшается также и другая; само отношение безразлично к этому изменению; последнее *внешне* ему. В обратном же отношении изменение, хотя оно в соответствии с безразличным количественным моментом также произвольно, удерживается *внутри отношения*, и это произвольное количественное выхождение также подвергается ограничению отрицательной определенностью показателя как некоторой границей.

2. Следует рассмотреть эту качественную природу обратного отношения еще подробнее, а именно в ее реализации, и разъяснить содержащуюся в ней переплетенность утвердительного с отрицательным. — Определенное количество положено [здесь] как то, чтò качественно определяет определенное количество, т. е. само себя, как представляющее себя в самом себе своей границей. Тем самым оно, *во-первых*, непосредственная величина как *простая определенность, целое как сущее*, утвердительное определенное количество. Но, *во-вторых*, эта непосред-

ственная определенность есть также граница; поэтому различают в нем два определенных количества, которые прежде всего суть другие относительно друг друга; но как их качественная определенность, а именно как полная, оно единство единицы и численности, произведение, множителями которого они служат. Таким образом, показатель их отношения, с одной стороны, тождествен в них с собой и есть то их утвердительное, на основании которого они определенные количества; с другой стороны, он, как положенное в них отрицание, есть в них то единство, на основании которого каждое, будучи прежде всего непосредственным, ограниченным определенным количеством вообще, в то же время так ограничено, что оно только в себе тождественно со своим иным. В-третьих, как простая определенность он отрицательное единство этого своего разделения на два определенных количества и граница их взаимного ограничения.

Согласно этим определениям, оба момента ограничивают друг друга внутри показателя, и один момент есть отрицательное другого, так как показатель есть их определенное единство; один момент становится во столько раз меньше, во сколько другой становится больше; каждый имеет свою величину постольку, поскольку он заключает в себе величину другого, поскольку она недостает другому. Каждая величина продолжает себя, таким образом, отрицательно, переходя в другую; сколько численности есть в ней, столько она снимает в другой как численности, и она есть то, что она есть, только через отрицание или границу, которая полагается в ней другою. Таким образом, каждая содержит и другую и измеряется ею, ибо каждая должна быть только тем определенным количеством, которым не является другая; для значения каждой из них величина другой необходима и, стало быть, от нее неотделима.

Этот переход каждой величины в другую составляет момент единства, благодаря которому они находятся в отношении — момент одной определенности, простой границы, которая есть показатель. Это единство, целое, образует в-себе-бытие каждой из величин; от этого в-себе-бытия отлична ее наличная величина, по которой каждый момент есть лишь постольку, поскольку она отнимает у другой часть их общего в-себе-бытия — целого. Но она может отнять у другой лишь столько, сколько нужно

для того, чтобы сделать [себя] равной этому в-себе-бытию. Она имеет свой максимум в показателе, который по указанному выше второму определению есть граница их взаимного ограничения. А так как каждая есть момент отношения лишь постольку, поскольку она ограничивает другую и тем самым ограничивается другой, то, делаясь равной своему в-себе-бытию, она утрачивает это свое определение; при этом не только другая величина становится нулем¹²⁵, но и она сама исчезает, так как она, согласно предположению, есть не просто определенное количество, а должна быть тем, что она, как таковое, есть лишь как такого рода момент *отношения*. Таким образом, каждая сторона [отношения] есть противоречие между определением [ее] как ее в-себе-бытия, т. е. единства того целого, которым служит показатель, и определением [ее] как момента отношения; это противоречие есть в свою очередь бесконечность в новой, особой форме.

Показатель — это граница членов его отношения, внутри которой они друг друга увеличивают и уменьшают, при этом они не могут стать равными показателю по той утвердительной определенности, которая свойственна ему как определенному количеству. Таким образом, как граница их взаимного ограничения он есть α) их *потустороннее*, к которому они могут бесконечно приближаться, но которого они не могут достигнуть. Эта бесконечность, в которой они к нему приближаются, есть дурная бесконечность бесконечного прогресса; она сама конечна, имеет свой предел в своей противоположности, в конечности каждого члена и самого показателя, и есть поэтому лишь *приближение*. Но β) дурная бесконечность в то же время *положена* здесь как то, что она есть *постижение*, а именно лишь как *отрицательный момент* вообще, в соответствии с которым показатель есть относительно различных определенных количеств отношения *простая граница* как в-себе-бытие, с которым соотносят их конечность как то, что совершенно изменчиво, но которое остается совершенно отличным от них как их отрицание. Это бесконечное, к которому они могут лишь приближаться, в таком случае наличествует также и как *утвердительное потустороннее*; оно простое определенное количество показателя. В показателе достигнуто то потустороннее, которым обременены стороны отношения; он есть в себе единство обеих или тем самым он есть

в себе другая сторона каждой из них; ибо каждая имеет лишь столько значения (*Wert*), сколько ее не имеет другая, вся ее определенность находится, таким образом, в другой, и это ее в-себе-бытие есть как утвердительная бесконечность просто показатель.

3. Но тем самым получился переход обратного отношения в другое определение, чем то, которое оно имело первоначально. Последнее состояло в том, что некоторое определенное количество как непосредственное имеет в то же время такое соотношение с другим, что оно становится тем больше, чем меньше становится другое и [лишь] через отрицательное отношение к другому оно есть то, что оно есть; и равным образом некоторая третья величина есть общий [для них] предел этого их увеличения. Это изменение, в противоположность качественному как *неизменной* границе, составляет здесь их отличительную черту; они имеют определение *переменных* величин, для которых то неизменное есть некое бесконечное потустороннее.

Но определения, которые обнаружились и которые мы должны свести воедино, заключаются не только в том, что это бесконечное потустороннее есть также имеющееся налицо и какое-то конечное определенное количество, но и в том, что его неизменность — в силу которой оно есть такое бесконечное потустороннее по отношению к количественному и которая есть качественная сторона бытия лишь как абстрактное соотношение с самой собой, — развилаась в опосредствование себя с собой в своем ином, в конечности отношения. Всеобщее этих определений заключается в том, что вообще целое как показатель есть граница взаимного ограничения обоих членов и, стало быть, положено *отрицание отрицания*, а тем самым бесконечность, *утвердительное* отношение к самому себе. Более определенно то, что *в себе* показатель уже как произведение есть единство единицы и численности, но каждый из обоих членов [отношения] есть лишь один из этих двух моментов, благодаря чему показатель, следовательно, включает их в себя и *в себе* соотносится в них с собой. В обратном же отношении различие развилось во *внешность* количественного бытия и качественное дано не только как неизменное и не только как лишь непосредственно включающее в себя моменты, но и как смыкающееся с собой в *вовне-себя-сущем иnobытии*. Это

определение и выделяется как результат в обнаружившихся [до сих пор] моментах. А именно, показатель оказывается в-себе-бытием, моменты которого реализованы в определенных количествах и в их изменчивости вообще. Безразличие их величин в их изменении предстает в виде бесконечного прогресса; в основе этого лежит то, что в их безразличии их определенность состоит в том, чтобы иметь свое [численное] значение в значении другого и, стало быть, а) в соответствии с утвердительной стороной их определенного количества быть *в себе* всем показателем в целом. И точно так же они имеют β) своим отрицательным моментом, своим взаимным ограничивающим величину показателя; их граница есть его граница. То обстоятельство, что они уже не имеют никакой другой имманентной границы, никакой¹²⁶ твердой непосредственности, положено в бесконечном прогрессе их наличного бытия и их ограничения, в отрицании всякого частного [численного] значения. Такое отрицание есть, согласно этому, *отрицание вовне-себя-бытия* показателя, которое представлено ими, и он, т. е. сам будучи и определенным количеством вообще, и выраженным в определенных количествах, тем самым положен как сохраняющийся, сливающийся с собой в отрицании их безразличного существования, положен, таким образом, как определяющий это выхождение за свои пределы.

Отношение определилось тем самым как *степенное отношение*.

C. СТЕПЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ

1. Определенное количество, полагающее себя в своем иnobытии тождественным с собой, определяющее свое выхождение за свои пределы, достигло для-себя-бытия. Таким образом, оно качественная целокупность, которая, полагая себя как развернутую, имеет своими моментами понятийные определения числа — единицу и численность; в обратном отношении численность — это множество, которое еще не определено самой единицей, как таковой, а определено откуда-то извне, некоторым третьим; теперь же численность положена как определенное лишь ею. Это происходит в степенном отношении, где единица, которая в самом себе есть численность, есть в то же время численность по отношению к себе как единице. Ино-

бытие — численность единиц — есть сама *единица*. Степень — это множество единиц, каждая из которых есть само это множество. Определенное количество как безразличная определенность изменяется; но поскольку это изменение есть возвведение в степень, это его инобытие ограничено исключительно самим собой. — Таким образом, определенное количество положено в степени как возвратившееся в само себя; оно непосредственно есть оно само, а также свое инобытие.

Показатель этого отношения уже не есть непосредственное определенное количество, в отличие от прямого, а также от обратного отношения. В степенном отношении он имеет чисто *качественную* природу, есть *простая* определенность, согласно которой численность есть сама же единица и определенное количество *тождественно* в своем инобытии с самим собой. В этом заключается также та сторона его *качественной* природы, что граница, или отрицание, не положена как непосредственно сущее, а наличное бытие положено как продолжающееся в своем инобытии; ибо истина качества именно в том, что оно количество, непосредственная определенность как снятая.

2. Степеннебе отношение представляется сначала внешним изменением, которому подвергают определенное количество; но оно имеет более тесную связь с *понятием* определенного количества: последнее в наличном бытии, до которого оно развилось в указанном отношении, достигло этого понятия, полностью реализовало его; это отношение есть изображение того, чтò определенное количество есть *в себе*, и выражает его определенность, или *качество*, которым оно отличается от другого. Определенное количество есть *безразличная* определенность, *положенная* как *снятая*, т. е. определенность как граница, которая также и не есть граница, продолжается в своем инобытии, остается, следовательно, в нем тождественной с самой собой; таким оно *положено* в степенном отношении; его инобытие, выходящее за свои пределы в другое определенное количество, определено им же самим.

Сравнивая между собой процесс этой реализации в рассмотренных до сих пор отношениях, мы видим, что качество определенного количества как собственное положенное отличие от самого себя состоит вообще в том, чтобы быть отнолпением. Как прямое отношение оно дано как такое положенное различие только вообще или

непосредственно, так что его соотношение с самим собой, которое оно как показатель имеет относительно своих различий, признается лишь неприменимостью некоторой численности единиц. В обратном отношении определенное количество есть в отрицательном определении отношение к себе самому, к себе как к своему отрицанию, в котором оно, однако, имеет свое [численное] значение; как утвердительное соотношение с собой, оно такой показатель, который, будучи определенным количеством, определяет свои моменты лишь *в себе*. В степени же отношения оно наличествует в различии как *отличии себя от самого себя*. *Внешность* определенности есть качество определенного количества; таким образом, эта внешность положена теперь соответственно его понятию как его собственный процесс определения, *как* его соотношение с самим собой, *его качество*.

3. Но тем, что определенное количество *положено* так, как оно соответствует своему понятию, оно перешло в другое определение или, как это можно еще выразить, его *определение* теперь дано и как *определенность*, [его] *в-себе-бытие* дано и как *наличное бытие*. Оно дано как *определенное количество*, поскольку внешность или безразличие к тому, как оно определено (что оно есть то, чтб, как говорится, может быть увеличено или уменьшено), значимо и положено лишь *просто*, или *непосредственно*; оно стало своим *иным*, т. е. качеством, поскольку указанная внешность теперь положена как опосредствованная через него самого, положена как момент таким образом, что оно именно *в ней соотносится с самим собой*, есть бытие как качество.

Итак, сначала количество, как таковое, выступает как нечто противостоящее качеству. Но само количество есть *некоторое качество*, соотносящаяся с собой определенность вообще, отличенная от другой для нее определенности, от качества, как такового. Однако оно не только *некоторое качество*, а истина самого качества есть количество; качество явило себя переходящим в количество. Количество, наоборот, есть в своей истине возвратившаяся в самое себя, небезразличная внешность. Таким образом, оно есть само качество, так что качество, как таковое, не есть еще что-то помимо этого определения. — Для того чтобы была *положена целокупность*, требуется *двойной переход*, не только переход одной определенности в свою

другую, но и переход этой другой, возвращение ее в первую. Благодаря первому переходу тождество этих двух определеностей имеется только *в себе*; качество содержитя в количестве, которое, однако, тем самым есть пока еще односторонняя определенность. Что последняя, паборот, точно так же содержитя в первой, что она точно так же дана лишь как снятая, это видно из второго перехода — из ее возвращения в первую. Это замечание о необходимости *двойного* перехода очень важно для всего научного метода.

Определенное количество теперь уже не как безразличное или внешнее определение, а так, что оно как такое определение снято и есть качество и то, благодаря чему нечто есть то, что оно есть, — это истина определенного количества, *мера*¹²⁷.

П р и м е ч а н и е

Выше, в примечаниях о количественно бесконечном, было разъяснено, что последнее, равно как и трудности, возникающие относительно него, имеют своим источником *качественный* момент, обнаруживающийся в количественном, и [разъяснено также], каким образом особенно качественная сторона степенного отношения получает многообразное развитие и становится усложненной; как на основной недостаток, препятствующий усвоению понятия, было указано на то, что при рассмотрении бесконечного останавливаются только на отрицательном [его] определении, на том, что оно отрицание определенного количества, и не идут дальше, не устанавливают того простого, утвердительного определения, что оно есть качественное. — Здесь нам остается сделать еще одно замечание о происходившем в философии применении форм количественного к чистым качественным формам мышления. С особенным усердием применяли в новейшее время к *определениям понятия степенные отношения*¹²⁸. Понятие в своей непосредственности было названо *первой* степенью, понятие в своем инобытии или различии, в существовании его моментов — *второй*, а понятие в своем возвращении в себя или, иначе говоря, понятие как целокупность — *третьей* степенью. — Против этого сразу приходит в голову возражение, что «степень» (*Potenz*¹²⁹), употребляемая таким образом, есть категория, относя-

щаяся главным образом к определенному количеству; при рассмотрении этих *Potenzen* не имелась в виду *potentia*, бывшие Аристотеля. Таким образом, степенью отношения выражает определенность, достигающую своей истины как различие, взятое в том виде, каково оно в *отдельном понятии* определенного количества, но не в том, каково это различие в понятии, как таковом. Определенное количество содержит отрицательность, принадлежащую к природе понятия, еще вовсе не как положенную в характерном определении последнего; различия, присущие определенному количеству, суть поверхностные определения для самого понятия; они еще весьма далеки от того, чтобы быть определенными так, как они определены в понятии. Именно в младенческом периоде философствования числа — а первая, вторая и т. д. степень не имеют в этом отношении никакого преимущества перед числами — употреблялись, например, Пифагором для обозначения общих, существенных различий. Это было подготовительной ступенью к чистому мыслящему пониманию; лишь после Пифагора были изобретены, т. е. были осознаны *особо*, сами определения мысли. Но возвращаться от последних назад к числовым определениям — это свойственно чувствующему себя бессильным мышлению, которое в противоположность существующей философской культуре, привыкшей к определениям мысли, присовокупляет к своему бессилию смешное желание выдавать эту слабость за нечто новое, возвышенное и за прогресс.

Поскольку выражение [понятий] через степени применяется лишь как *символ*, против этого нечего возражать, как и против употребления чисел или другого рода символов для выражения понятия; но в то же время против этого приходится возражать так же, как против всякой символики вообще, при помощи которой нам предлагаются изображать чистые понятийные, или философские, определения. Философия не нуждается в такой помощи ни из чувственного мира, ни со стороны представляющей способности воображения, ни даже со стороны тех областей ее собственной почвы, которые ей подчинены и определения которых поэтому не подходят для более высоких ее сфер и для целого. Последнее происходит вообще в тех случаях, когда применяют категории конечного к бесконечному; привычные определения силы или субстанциальности, причины и действия и т. д. равным образом суть

лишь символы для выражения, например, жизненных или духовных отношений, т. е. суть неистинные определения применительно к последним, а тем более степени определенного количества и вычисляемые степени применительно к таким и вообще к спекулятивным отношениям. — Если хотят применить числа, степени, математически бесконтактное и тому подобное не в качестве символов, а в качестве форм для философских определений и тем самым в качестве самих философских форм, то следовало бы прежде всего вскрыть их философское значение, т. е. их понятийную определенность. А если это сделают, то они сами окажутся излишними обозначениями; понятийная определенность сама себя обозначает, и ее обозначение — единственно правильное и подходящее. Применение указанных форм есть поэтому не что иное, как удобное средство избавить себя от труда понять, указать и обосновать понятийные определения.